
УДК 81'1 : 81'42

ББК 81.0

Я 91

Яхутль (Кумук) С.Х.

Аспирант кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: svetlana.kumuk@mail.ru

Имплицитность художественного текста как средство реализации когнитивной парадигмы билингвальной языковой личности автора

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается проблема разграничения таких категорий, как подтекст и имплицитность. Исследуются когнитивные парадигмы как средства организации знаний и мысли человека. Поэтому когнитивная парадигма представляет собой один из перспективных способов когнитивного моделирования и инкорпорирует поверхностную репрезентацию и пропозициональную базу текста (микро- и макроструктуру).

Ключевые слова:

Текст, подтекст, имплицитность, когнитивная парадигма, ментальность.

Yakhutl S.Kh.

Post-graduate student of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: svetlana.kumuk@mail.ru

Implicitness of the fiction text as implementer of a cognitive paradigm of the author's bilingual language identity

Abstract:

The paper deals with the problem of differentiation of such categories as implication and implicitness. Cognitive paradigms are explored as means of the organization of knowledge and thought of the person. Therefore the cognitive paradigm represents one of the promising ways of cognitive modeling and incorporates superficial representation and propositional base of the text (micro and macrostructure).

Keywords:

Text, implication, implicitness, cognitive paradigm, mentality.

Текст стал объектом лингвистического исследования лишь во второй половине XX века благодаря работам В. Дресслера, Х. Изенберга, П. Хартмана, Г.А. Золотовой, И.Р. Гальперина, Г.Я. Солганика и др. После того, как текст был определен как лингвистическая единица, возникла необходимость осмыслить все множество уже накопленных данных в его термино-

логии, включить их в систему лингвистических знаний. Поэтому перед исследователями встала проблема научного определения сущности таких понятий, как подтекст и имплицитность [1].

Подтекст и имплицитность – трудно разграничиваемые категории, поскольку они являются вариантом подразумевания и, как правило, присутствуют в тексте

параллельно, взаимодействуя друг с другом. Если обратиться к различным трактовкам этих категорий, то проблема их разграничения будет связана с тем, что они затрагивают совокупность как внешних, так и внутренних закономерностей организации семантического пространства художественного текста и соотносятся с такими понятиями, как пресуппозиция, модальность, подтекстовая информация, содержательно-концептуальная информация, затекст, текстовые ассоциации и др. Так, например, Н.В. Шевченко понимает подтекст как более общую категорию и считает, что «к подтекстовой информации относятся: пресуппозиция, символ, импликация, так называемый ассоциативный и ситуативный подтекст, контрапункт» [2].

Термин «имплицитность» охватывает более ёмкое лингвистическое поле, чем подтекст, и может включать в себя различные фигуры речи и стилистические приемы, которые реализуют в тексте свою главную функцию – функцию создания экспрессивно-эмоциональной эстетической образности. Явление «подтекста» связано со скрытой информативностью в области фабульного и концептуального пластов текста (а точнее, их части в области мотивированности действия), тогда как имплицитность тропов лежит в области образного смыслового слоя текста, и лишь совокупное восприятие разных типов имплицитности даёт понимание «глубинного» смысла текста [3].

Несмотря на различные мнения, исследователи едины в том, что имплицитность и подтекст связаны со смыслом художественного произведения, а не с суммой значений составляющих его языковых элементов, что они вместе составляют выводимую информацию, связанную с позицией интерпретатора, и, соответственно, в ее основе заложена субъективная трактовка.

Имплицитность – это семантический результат действия структурно-семантического явления имплицитности в тексте, охватывающий все доступное со-

держание текста и приводящий при адекватном восприятии к осознанию второго, скрытого, концептуально-подтекстового смысла сообщения, реализующего основной концепт автора. Ч. Филлмор и Р. Лакофф под имплицитностью понимают наличие определенных условий, необходимых для осуществления высказывания, а также как фонд общих знаний говорящего и слушающего; признают имплицитными логические выводы, вытекающие из лексико-грамматической структуры высказывания и логико-грамматические пресуппозиции, обусловленные семантической структурой того или иного компонента высказывания [4].

Первым шагом в определении статуса подтекста как лингвистического понятия стало выяснение того, какую сторону текста как знака следует описывать при помощи этого термина. В специальной литературе по текстологии существуют такие точки зрения, согласно которым подтекст можно рассматривать и как факт формальной структуры текста, и как семантическое явление, и как прагматическое явление, и даже как «семиологическое явление, включающее как соседние части данной части текста, так и ситуацию, благодаря которым возникает новое значение». Последнее определение, соединяющее семантику и форму текста, несет на себе следы донаучного синкретизма, и поэтому не стало общепризнанным; более того, В.Я. Мыркин отмечает: «Это второе значение текста, которое важнее, чем первое, называется «подтекстом» и тем самым относит подтекст к семантической структуре текста [1: 87].

Человек организует свои знания и мысли посредством структур, называемых идеализированными когнитивными парадигмами, так как существует внутренняя интерпретация внешнего мира. По мнению Дж. Лакоффа, в стремлении понять мир мы используем когнитивные модели или парадигмы [4: 163].

Под парадигмой в науке понима-

ется модель постановки проблем в совокупности с приемами их решения. Термин «парадигма» ввел Ф. де Соссюр, который обозначал им систему форм одного и того же слова. На его базе возник новый термин – «парадигма научного знания», который создан американским ученым Т. Куном, который под парадигмой подразумевал признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблемы и их решений. В последнее время данный термин стал несколько размытым, и сейчас зачастую парадигмой называют любые системы и сгустки знания, любые принципы постановки и решения задач. Иногда в качестве синонима используется термин «направление» [4].

В общем смысле под парадигмой понимается создаваемый с целью получения и хранения информации специфический объект (в форме мысленного образа, описания знаковыми средствами либо материальной системы), отражающий свойства, характеристики и связи объекта-оригинала произвольной природы, существенные для задачи, решаемой субъектом. В таком случае каждому объекту-оригиналу может соответствовать неограниченное множество моделей, но они всегда лишь приблизительно соответствуют оригиналу [5].

В основе построения когнитивных парадигм (моделей) находятся следующие способности человека: формировать символические структуры, коррелирующие с доконцептуальными структурами нашего повседневного опыта; создавать метафорическую проекцию структур материальной области на структуры абстрактных областей; реконструировать сложные концепты и общие категории, используя в качестве структурных механизмов образные схемы [4: 365].

Язык отражает широкий спектр когнитивных моделей, и каждая языковая категория может рассматриваться как отражение определённого опыта, зафиксиро-

ванного в языке, в текстах.

Е.С. Кубрякова предложила когнитивно-дискурсивный подход к изучению языковых явлений с точки зрения выполняемых ими когнитивных и коммуникативных функций. Языковая форма представляет собою отображение когнитивных структур. Между когнитивными и языковыми структурами существуют вполне определённые корреляции: по мнению Н.А. Красавского, язык как семиотическая система отражает в форме знаков всевозможные комбинации реальных и ментальных действий человека [7]; у М.В. Никитина сознание «структурировано не только и не столько структурой действительности и структурами человеческой деятельности, сколько с оглядкой на язык и системные отношения в нём» [8]. Таким образом, многие исследователи отмечают, что язык относится к числу наиболее характерных типов когнитивной деятельности людей.

Дж. Лакофф выделяет четыре типа когнитивных моделей: пропозициональные, схематические (образные), метафорические и метонимические. В данном случае говорят о построении ментальных моделей текста, когнитивной модели понимания или когнитивной модели обработки текста, которые требуют построения когнитивных моделей отдельных ситуаций [4].

Бернар Потье пытается представить последовательность этапов перехода от мысли к звукам (или графике) и обратно и выделяет следующие уровни: 1) референциальный уровень (реальный или воображаемый мир); 2) концептуальный уровень (уровень ментального сечения репрезентации, реконструируемой исходя из референциального уровня и основанной как на социальных навыках, так и на индивидуальных творческих потребностях); 3) уровень естественного языка; 4) уровень готового текста (результат языковой, когнитивной, контекстуальной, ситуационной, интенциональной составляющих), коррелирующий с другими

семиологическими системами.

Уровень восприятия Я в модели коррелирует с ментальными представлениями собой «мыслительные проекции/корреляты значимых для сознания фрагментов действительности». Презентации охватывают наше видение мира (референциальный то, как этот мир отражён в существующих мнениях, знаниях и верованиях людей (концептуальная часть нашего сознания). Ментальные репрезентации облекаются в форму мысли. Производитель высказывания с его индивидуальными «люди оперируют ментальными репрезентациями для осуществления мышления и действий» [9].

Уровень естественного языка коррелирует с лингвистическими репрезентациями, которые имеют форму языкового выражения. Концептуальная система объективирована языком и представлена в формате языковых репрезентаций. Когнитивная ситуация обуславливает выбор язы-

ковых средств, необходимых для порождения данного текста. При восприятии идёт обратный процесс трансформации лингвистических репрезентаций в ментальные.

Важным при раскрытии заложенной в тексте информации является то, что человек оперирует не только языковыми данными. В свою речевую деятельность он привносит ещё и мнения, верования, свои личностные характеристики. Такие структуры называются у В.В. Красных феноменологическими, так как они формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической природы, то есть об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях литературы [10].

Таким образом, когнитивная парадигма представляет собой один из перспективных способов когнитивного моделирования и инкорпорирует поверхностную репрезентацию (текст) и пропозициональную базу текста (микро- и макроструктуру).

Примечания:

1. Мыркин В.Я. Понятие VS. концепт; текст VS. дискурс: языковая картина мира VS. речевая картина мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы междунар. науч. конф. / редкол.: Т.В. Симашко. Архангельск: Изд-во М.В. Ломоносова, 2002. С.46-47.
2. Шевченко О.А. Когнитивная модель дискурса интервью: на материале современной англоязычной прессы: дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2006. 210 с.
3. Малова Н.Е. Лингвокогнитивные категории «имплицитность» и «подтекст» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 2. С. 262-266.
4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 12-51.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
6. Неуймин Л.Г. Модели в науке и технике: история, теория и практика. Л.: Наука, 1984. 189 с.
7. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. пед. ун-та, 2001.
8. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 277 с.
9. Thagard P. Mind. Introduction to cognitive science. Second edition. Cambridge: MIT Press, 2005. 278 p.
10. Красных В.В. Этнопсихолнгвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 282 с.

References:

1. Myrkin V.Ya. Concept VS. concept; text VS. discourse: linguistic picture of the world VS. speech picture of the world // Problems of reality conceptualization and modeling of the linguistic picture of the world: materials of the international scient. conf. / editorial board: T.V. Simashko. Arkhangelsk: Publishing house of M.V. Lomonosov, 2002. P. 46-47.
2. Shevchenko O.A. A cognitive model of an interview discourse: based on the modern English press: Diss. for the Cand. of Philology degree. Tolyatti, 2006. 210 pp.
3. Malova N.E. Linguistic and cognitive categories «implicitness» and «implication» // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2012. Issue 2. P. 262-266.
4. Lakoff G. Thinking in the mirror of classifiers // New in foreign linguistics. 1988. Iss. 23. P. 12-51.
5. Kuhn Th. The structure of scientific revolutions. M.: Progress, 1977. 300 pp.
6. Neuymin L.G. Models in science and technology: history, theory and practice. L.: Nauka, 1984. 189 pp.
7. Krasavsky N.A. Dynamics of emotional concepts in the German and Russian linguistic cultures: Diss. abstract for the Dr. of Philology degree. Volgograd: Publishing house of the Volgograd State teachers' un-ty, 2001.
8. Nikitin M.V. Foundations of cognitive semantics: a manual. SPb.: The publishing house of the RGPU of A.I. Herzen, 2003. 277 pp.
9. Thagard P. Mind. Introduction to cognitive science. Second edition. Cambridge: MIT Press, 2005. 278 pp.
10. Krasnykh V.V. Ethnopsycholinguistics and lingvoculturology. M.: Gnozis, 2002. 282 pp.